

2.09

10

ПОЛИТИЯ

АНАЛИЗ • ХРОНИКА • ПРОГНОЗ

2

МОСКВА
2009

Модерн
и постмодерн:
две тенденции
в политике
«новых»
государств

Л.Е.Бляхер, Д.А.Резничева
**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ
В РЕЖИМЕ КОНСЕРВАЦИИ:
МЕЖДУ «ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ»
И «ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОПЕКОЙ»**

Распад социалистической системы, причины которого до сих пор вызывают ожесточенные споры историков, политологов и экономистов, породил чрезвычайно интересный политический феномен. На гигантской территории от Чехии до Монголии началось строительство новых государств. С разной степенью успешности конструируются государственные суверенитет и политическая нация, выстраивается система управления, обживаются границы. В условиях, когда традиции государственности еще не стерлись (казус Чехии, Польша, страны Балтии и т.д.), «возрождение государства» принимает форму «восстановления исторической справедливости». В иных ситуациях политическая нация строится из «подручных материалов» — от «социалистической нации» до конструирования альтернативной истории («подлинной», избавленной от большевистского или оккупационного налета). Но даже в первом случае возникает необходимость осмысления государства и политической нации в новых, никогда ранее не существовавших границах. Идет процесс, сходный с тем, что переживала Европа в XVI—XVII вв. Тогда, как и сейчас, на руинах империи складывались качественно новые образования — территориальные государства, предопределившие судьбы мира на столетия вперед.

Однако, как и любая аналогия, аналогия между постсоциалистическим миром и Европой XVII в. обладает ограниченной релевантностью. Дело в том, что государства постсоциалистического мира лишены набора атрибутов, свойственным модерну, формирующему эпоху постмодерна — в эпоху империй. В результате они не только противопоставляют себя погибшей империи, но и... ищут новую¹. В мире у вновь возникших государств оказывается намного более сложная ситуация, чем у их предшественников. Чтобы выстроить новое воображаемое сообщество, им нужно отгородить себя от мира, обеспечить внутреннюю «гомогенность и идентичность, преобладающую над любой иной (локальной или глобальной). Но обеспечить материальную основу построения государства, создать необходимый для «кормления Левиафана» ресурс можно лишь интегрировавшись в мировые обменные процессы, в мир постмодерна с его открытостью и ризомностью. Даже в условиях кризиса, который резко увеличил число сторонников изоляционизма как основания

¹ Каенэ 2008.

внешней политики, устранение из глобального мира неминуемо ведет к стагнации и постепенной деградации².

Проблема не только в том, что новым государствам приходится совмещать противоположные и противоречащие друг другу установки, но прежде всего в том, что локальное пространство государства и глобальное (мировое) пространство выстроены по разным принципам³. Если государства устроены иерархически и ориентированы на производство более или менее гомогенного порядка на четко определенной и отгороженной границами территории, то глобальное пространство, особенно в рамках модели, предлагаемой Д.Андерссоном⁴, имеет иные основания. Как отмечают участники проекта «Российские ворота в глобальный мир», «по своему устройству глобальная экономика очень напоминает позднесредневековую европейскую городскую сеть и сама является сетью мегаполисов — «ворот в глобальный мир», в которых, как в ганзейских и северонитальянских городах средневековья, сосредоточены и богатство, и власть, и инновации»⁵. Но не стоит забывать, что в тех же богатых северонитальянских городах были сосредоточены и наиболее бедные жители Европы. Видимо, речь идет не столько о городах как о некоей территории, сколько об «объективной «точке встречи» конкретных людей — носителей власти, денег и инноваций (наподобие ярмарок в Пьяченце, где 600—700 финансовых магнатов определяли в XVI столетии денежный оборот всей европейской ойкумены). Такие сети формируются поверх границ, в отвлечении от них. Показательно, что еще со времен позднего средневековья они за редчайшим исключением складываются вдали от властных центров»⁶.

Впрочем, сложившиеся государства достаточно быстро начинают понимать ценность международных социально-экономических структур. В условиях, когда границы уже сформированы, наличие подобных глобальных сетей — важнейший ресурс, усиливающий и государство, и сети. Но что если «тело» государства еще далеко от окончательного оформления (а именно такую ситуацию мы наблюдаем в подавляющем большинстве постсоциалистических и практически во всех постсоветских государствах)? В этом случае влияние сетей, их стремление к стягиванию в конкретные точки («ворота») безотносительно к политическому пространству государства оказываются чреваты самыми серьезными потрясениями. Воображаемое сообщество (социальное пространство, нация, народ) разрывается, включаясь по частям в иные символические ряды. Ответной реакцией на это становится рост ксенофобских настроений, ведающий, помимо всего прочего, к еще большему усложнению процесса нациеобразования⁷. Однако перекрытие границ и установление безусловного и жесткого контроля над территорией губят уже возникшие или возникающие сети.

Попыткой разрешить противоречие между все возрастающим значением трансграничных социальных сетей и построением гомогенного внутреннего политического пространства и является поиск империй. Наличие надгосударственного образования позволяет без особого

² Сергеев и др. 2007б.

³ Сергеев, Казанцев 2007.

⁴ Андерссон О., Андерссон Д. 2001.

⁵ Сергеев и др. 2007а: 10.

⁶ Бродель 1992.

⁷ Бляхер 2004а.

труда примирить сетевой характер глобального взаимодействия и локальную гомогенность государства, подтверждаемую извне.

В этой ситуации в наиболее сложном положении оказывается Россия, возникшая в результате бурных событий 80—90-х годов XX столетия. Будучи правопреемницей Советского Союза, она так и не была осмыслена в новых границах. Она все еще воспринимается в качестве осколка погибшей империи. Попытки осмыслить «новую Россию» с новой судьбой — по-прежнему маргинальное явление в отечественной интеллектуальной жизни. Не случайно стабилизация 2000-х годов сопровождалась тотальным взлетом ностальгических настроений — от государственной символики до «старых песен о главном». В то же время невозможность воссоздания, даже частичного, сверхдержавы (империи) делает неизбежным оформление государства⁸. Но государство это весьма специфическое. Его ключевая составляющая — всеобъемлющее сообщество (политическая нация) — пока не сложилась, и «остатки» остаются довольно эклектичным политическим образованием. Как показывают регионаловедческие исследования, региональная идентичность продолжает преобладать над общеполитической⁹. Иллюстрацией гомогенности внутреннего пространства создается за счет иных инструментов: «властной вертикали», «Единой России», объединившие в себе практически весь политический класс страны, ужесточения таможенного, пограничного и пограничного контроля и т.д. Ритуалы единства, семантика единения постепенно превращаются в основу внутриполитического дискурса. В речах президента, премьер-министра и «единороссовских» функционеров борьба за единство становится центральным элементом риторики. И здесь невольно приходит на ум замечание А.Ф.Лосева о том, что в пространстве рефлексии нечто появляется тогда, когда исчезает из повседневности¹⁰. В отсутствие символического единства, в отсутствие коллективного воображаемого власть направляет свои усилия на то, чтобы, по крайней мере, ограничить внешние символические потоки. Символическое единство страны заменяется силовым и ритуальным отгораживанием от внешнего мира.

Однако ритуальное единение не может скрыть дефицита действительного единства, отсутствия устойчивой идентификации с политической нацией. Отсюда — острейшее противоречие между попытками поставить заслон на пути «проникновений» извне и уже сложившимися трансграничными (или приграничными) сетями, особенно полно проявившее себя на Дальнем Востоке России. Это противоречие, подспудно тлеющее уже несколько лет и проявившееся в перешептываемых критических выступлениях местных депутатов, в кулуарных разговорах и усилении миграционной готовности, доходившей до 87%¹¹ выплеснулось на улицы.

Акции протеста против таможенных пошлин на дорогие автомобили, кажется, впервые со времен «замерзающего Владивостока» вывели город на первые полосы интернет-таблоидов. Впрочем, федеральные СМИ их полностью проигнорировали.) Недавние официальные

⁸ Билхер 2008.

⁹ Билхер 2004б.

¹⁰ Лосев 1963.

¹¹ По данным опроса, проведенного в 2007 г. в Хабаровском и Приморском краях, относившихся к числу наиболее благополучных в регионе.

¹² Канев 2009.

Двухтактный механизм развития Дальнего Востока

¹³ Заусаев 2009.

¹⁴ Исключением была продукция ВПК, крайне плотно сосредоточенного в южной части региона. Но здесь экономическая целесообразность замещалась политической необходимостью.

¹⁵ Цымбурский 2000.

лица уже высказались по поводу «кучки автодилеров», сражающихся за «криминальный бизнес»¹², атмосфера в регионе по-прежнему напряженная. С улиц, под давлением силовых структур, тема вернулась на «кухни», но ощущения, что она там и останется, пока не возникает. Не собираясь подливать масла в огонь, попробуем объяснить, что именно вызвало столь бурную реакцию дальневосточников.

Начать объяснения придется с не такой уж давней истории. Дальний Восток в советские годы был своеобразным регионом — регионом «про запас», регионом «на будущее». Он скорее олицетворял геополитические амбиции страны, нежели воплощал их. Огромного Дальневосточного военного округа не всегда хватало даже на защиту восточных границ. Экономическая же эффективность региона в хозяйстве страны вообще была сомнительной. Как показывают расчеты экономистов, даже в благополучные 1970—1980-е годы регион тратил почти на 26% больше (без учета содержания войск ДВО), чем производил¹³. Транспортные и энергетические тарифы делали любую произведенную там продукцию «золотой». И если речь шла не о золоте как таковом, не об уране, уникальных биоресурсах или алмазах, продукция оказывалась неконкурентоспособной¹⁴. Ключевым оказывался иной — политический — смысл существования региона. Здесь, как считали государственные деятели, да и исследователи, находился естественный рубеж государства, граница «цивилизационной платформы»¹⁵. Более того, такое восприятие региона доминировало и в досоветские времена — по крайней мере после краха российского «аляскинского проекта». Граница и подвергалась маркированию, «осваивалась».

Подъем российского флага в Марининском посту, на острове Сахалин или на амурском утесе — месте расположения современного Хабаровска были куда более значимыми событиями, нежели открытие в регионе серебряных и золотых месторождений. Ведь доходы от последних были минимальными. Так, в конце XVIII столетия на организацию «правильной добычи серебра» казна выделила 25 тыс. рублей, серебра же было добыто менее чем на 26 тыс. Подобное соотношение сохранялось и впредь. Потенциальное богатство региона нивелировалось его крайней удаленностью от мировых центров, предельной неразвитостью коммуникаций. Регион символически был означен как принадлежащий России, хозяйственное же его освоение откладывалось на будущее. Пространство внутри маркированных границ оставалось «пустым». Относительно плотно была заселена лишь узкая полоса вдоль верхнего и среднего течения Амура, а также Дальневосточной железной дороги. Там была работа, жилье, возможность сбыта сельскохозяйственной продукции. Главное — там был смысл региона. Население требовалось для того (особенно ясно это стало после русско-японской войны 1903—1905 гг.), чтобы защищать границу, снабжать армию, обеспечивать коммуникации. Вся остальная территория заселялась выборочно (золотоносные рудники, охотничьи поселки, угольные копи и т.д.).

Это свойство региона точно подметил один из первых и наиболее глубоких исследователей Дальнего Востока губернатор Приморья П.Ф. Унтербергер, полагавший, что регион очень пригоден для России, когда ее европейская часть окажется перенаселена. Для того чтобы в этой ситуации (по оценке Унтербергера, она должна была сложиться к середине XX в.) избежать массовой миграции граждан за рубеж, и необходим регион «впрок». Нужно сформировать там органы управления, вооруженные силы, хозяйственную и транспортную инфраструктуру, которые потом, когда это понадобится, позволят с легкостью «развернуть» его в полноценное территориальное образование. То, что регион не в состоянии прокормить за счет собственного производства даже наличное население, представляет собой плату за ожидаемые в будущем блага и защиту основной территории страны¹⁶.

¹⁶ Унтербергер 1912.

Плановое хозяйство советского периода не особенно сильно повлияло на «потенциальность» региона. Начиная с 1930-х годов ставка была сделана на развитие ВПК¹⁷. С экономической точки зрения переброска огромного числа грузов, эшелонов людей и т.п. вряд ли была целесообразной. Но политический смысл региона (форпост и крепость Советского Союза на Дальнем Востоке) полностью покрывал в тот период дефицит смысла экономического, и в регион текли ресурсы. В сталинские годы недостаток людей компенсировался лагерями и рабским трудом заключенных, а с наступлением «вегетарианских» времен — военными строителями и корейскими лесорубами. Эти бесплатные работники несколько снижали издержки на строительство «новой жизни». Частично трудовые ресурсы пополнялись с помощью оргнаборов и комсомольских призывов.

¹⁷ Кузин 2004.

Такая стратегия освоения региона обусловила ее «видимые такты» в его развитии. Когда Россия находилась на рубеже, на отграниченную, но не освоенную территорию направлялись существенные ресурсы, далеко превосходившие все совокупные доходы региона, текли людские потоки, прибывали войска. В эти периоды военные островки несколько расширялись, появлялись новые. Механизм их возникновения тоже небезынтересен. Прилив государственной заботы породил и усиление административного давления. В условиях огромного «пустого» пространства, начинавшегося сразу «за околицей», прессинг вызывал самую типичную реакцию сопротивления — отъезд, exit. Вплоть до начала XX в. именно так возникали новые поселки. Но если приливная волна продолжалась, то власть шла следом, символически осваивая (присваивая) новые пространства, поставляя в них исправников, урядников, приказчиков или еще каких-то чрезвычайно необходимых в хозяйстве людей.

Важно отметить и более или менее явное разделение населения на «видимое» и «невидимое». К первому относились люди, так или иначе задействованные в основных сферах деятельности, поддерживаемых государством. На разных этапах истории это были пушнина, серебро, золото, железнодорожное строительство, рыбный промысел, военно-промышленный комплекс. Смена государственных приоритетов,

совпадавшая, как правило, с приходом нового губернатора, не приводила к исчезновению «устаревших» форм хозяйственной активности. Просто эти виды деятельности и люди, ею занимавшиеся, переставали фигурировать в официальных отчетах, переставали поддерживаться казной (государственным бюджетом), становились «невидимыми».

В периоды политических осложнений или хозяйственных неурядиц регион переходил в режим консервации. Вместе с прекращением государственной поддержки входящих миграционных потоков прекращались и сами потоки. Исчезали сезонные рабочие и пришлое купечество. Застывала видимая хозяйственная и культурная жизнь. Население региона заметно (порой почти в полтора раза) сокращалось. Зато актуализировались «невидимки». Точнее, все пространство внутри региона становилось «невидимым» для государства. Существенной оставалась только задача обороны границы. В «невидимом» регионе и возрастало значение «невидимых» форм деятельности «невидимых» людей. Местная хозяйственная активность в условиях ослабления административного давления позволяла региону пережить трудные времена в ожидании, когда политическая воля вновь направит на дальневосточную окраину людей, финансы, материальные ресурсы. Подобная схема (прилив-консервация) действовала на Дальнем Востоке России и в последние два десятилетия. Однако новые времена внесли в нее определенные коррективы. Об особенностях последних двух «тактов» и пойдет речь дальше.

Почему «шумит» Приморье?

¹⁸ В начале 1990-х годов, встречаясь с жителями Комсомольска-на-Амуре, зам. председателя правительства РФ Е.Т. Гайдар был искренне удивлен, узнав, что в городе проживает свыше 300 тыс. человек, есть вузы, театры, музеи.

Перестройка и последовавший за ней развал страны изменили ситуацию радикально. Врагов у новой России в регионе не случилось, и его политический смысл стал более чем зыбким. Регион вновь превратился в «невидимый», оказался не нужен стране. Об этом почти официально заявлялось на встречах с жителями¹⁸. Ненужность вела к уменьшению ресурсных потоков. Практически около 8 млн. (на тот момент) человек были брошены на произвол судьбы.

В принципе, как уже говорилось, такая ситуация для региона не нова. На протяжении уже не одной сотни лет каждый раз, когда в стране возникали проблемы, регион переходил в режим консервации. Население сокращалось. Выработалась и стратегия выживания в этих условиях: опора на местные ресурсы и, частично, ресурсы соседей, приграничная торговля. Рыба, лес, золото, «челночный» бизнес в целом вполне могли прокормить регион. И прокормили. Положение облегчалось несколькими обстоятельствами. Во-первых, в начале 1990-х годов новые границы России воспринимались как нечто временное, неподлинное. Соответственно, приграничные взаимодействия, прежде всего «челночный» бизнес и экспорт биоресурсов, ощущались как вполне легитимное, хотя и не всегда легальное деяние. Во-вторых, в отличие от предшествующего периода, Дальний Восток оказался «дальним» только для центральной части страны.

В непосредственной близости от восточных границ России сформировалось несколько мощных центров хозяйственной и интеллектуальной активности (Осака, Шанхай, Тайбэй, Сингапур и др.), которые вполне могли претендовать на статус «ворот в глобальный мир». Через приграничную торговлю регион постепенно втягивался в глобальный товарооборот. Навстречу лесу, рыбе и полезным ископаемым шли товары народного потребления, вычислительная техника, автомобили, валюта (судя по косвенным данным, баланс теневой торговли был активным) и многое другое. Конечно, регион интегрировался в АТР не совсем так, как мечталось идеологам Дальнего Востока, не в статусе постиндустриального центра, но в качестве поставщика ресурсов, то есть в качестве «хоры», а не метрополии. Но даже такое положение делало традиционные виды деятельности вполне доходными и экономически эффективными, особенно если учесть, что основной оборот товаров и финансов протекал вне государственного фискального контроля и, следовательно, имел все преимущества «льготного налогообложения»¹⁹. Показательно, что совокупный ВРП Дальнего Востока в середине 1990-х годов почти на 40% меньше стоимости потребленных населением услуг. Примерно так же соотносятся номинальная заработная плата и заявленный доход²⁰. Понятно, что просчитать точный объем теневого оборота товаров и услуг в регионе и при трансграничном взаимодействии чрезвычайно сложно, но даже приведенные данные говорят о его крайней значительности.

В 1990-е годы на Дальнем Востоке России сложились устойчивые бизнес-практики торговли древесиной, речными и морскими биоресурсами, теневого оборота продукции горно-обогатительных комбинатов и приисков. Население Дальнего Востока привыкло выживать. Выжило и на этот раз. Люди, вне зависимости от своего прошлого социального статуса, кинулись в новые (временно забытые старые) сферы деятельности. Традиции взаимоподдержки позволили почти мгновенно сорганизоваться, встроиться в новую жизнь²¹. Криминальные «крыши», а несколько позже — госструктуры, приватизировавшие силовой ресурс, взяли на себя «производство порядка», успешно структурировавшего местное сообщество и обслуживавшего его деятельность.

Все эти сферы были в значительной степени «серыми» или «теневыми» — другие в тот момент были просто невозможны. Но именно в них оказалось задействовано наиболее экономически активное население. Именно они кормили всех. В том числе и тех, кто никак не был связан с теневым экспортом, — ведь именно там был платёжеспособный спрос на образование, науку, искусство, здравоохранение... Не случайно в 1990-е годы в регионе начался образовательный бум, стали создаваться частные вузы, почти в 2 раза по сравнению с 1990 г. увеличилось количество студентов. Сходные процессы шли и в здравоохранении, культуре. Именно в 1990-е годы в крупнейших городах региона складывается то, чего не было на протяжении всего советского периода, — относительно развитая социальная и досуговая инфраструктура.

В числе отраслей, поставлявших ресурсы для выживания, возникает импорт поддержанных японских автомобилей и шоп-туризм в сопредельный Китай. Даже «японки» с очень большим пробегом были на несколько порядков комфортнее и надежнее, чем лучшие изделия отечественного автопрома, изготовленные в стиле «всю жизнь под капотом». Китайский же ширпотреб, в отличие от отечественного, мгновенно реагировал на малейшее веяние спроса. Естественно, что люди предпочитали то, что дешевле и лучше.

Постепенно из практики периодического завоза импортных иномарок импорт автомобилей превратился в огромную отрасль. Появились автомастерские и автомойки, ориентированные на владельцев «японок», была организована поставка запчастей и шин, началась подготовка специалистов по ремонту и т.д. В регионе сложилась полная и разветвленная инфраструктура автосервиса, которой мог бы позавидовать любой другой регион страны, да и не только страны. В эту сферу инвестировали свои сбережения и предприниматели, и простые граждане. Показательно, что по количеству машин на душу населения региональные центры Дальнего Востока входят в число российских лидеров.

От автобизнеса так или иначе кормились медицина и искусство, образование и госслужба. Ведь люди, заработавшие в новых, относительно свободных отраслях хозяйства, были заинтересованы в качественном медицинском обслуживании и хорошем образовании для своих детей, им хотелось слушать интересную музыку и посещать театры. Они нуждались в порядке, пусть даже в обмен на материальную помощь госслужащим. И за все это они готовы были платить — в регионе принято «делиться» с ближним.

В середине 1990-х годов к импорту легковых автомобилей добавился импорт грузовых машин, строительной и дорожной техники. Эти изделия тоже оказались на голову надежнее и удобнее в эксплуатации, чем все мыслимые ЗИЛы и ГАЗы (ТАЗы, по выражению дальневосточных строителей). Сегодня на стройках региона, в том числе и на строительстве газопровода, работает *только* импортная техника. Отечественная просто ломается.

В результате всех этих изменений сформировалась отрасль, в которой прямо или косвенно были задействованы уже даже не десятки, а сотни тысяч людей, государственные программы, планы развития. Сплетаясь с другими (экспорт леса и биоресурсов, торговля, транспорт и т.д.), она создавала невидимое из Москвы, но достаточно эффективное экономическое пространство, плотно интегрированное в экономику АТР. Более того, «японки» стали важным элементом региональной самоидентификации — одним из тех немногочисленных преимуществ, которыми гордились дальневосточники. Интеграция Дальнего Востока в глобальную экономику после кризиса 1998 г. и последующего укрупнения хозяйствующих субъектов постепенно стала приобретать институциональные очертания, имея все шансы из теневой формы экономической деятельности превратиться в основу легальной социально-

¹⁹ Блюхер 2000.²⁰ Заусаева 2009.²¹ Блюхер 2004а.

экономической жизни региона. Но... сменился вектор развития, наступил новый этап. Консервация закончилась, пришла государственная забота.

**Дальний Восток:
от глобальной
экономики
к государственной
опеке**

Очередные радикальные изменения в регионе были связаны с взлетом цен на энергоносители и построением «вертикали власти». Теневые отрасли, которые не один год обеспечивали выживание людей на Дальнем Востоке, стали стремительно сворачиваться. Силовое преследование нарушителей, на первых порах не особенно активное, поскольку «сидовики» были местными и все понимали, постепенно, под давлением из центра, начало набирать обороты. Упала добыча морских и речных биоресурсов, причем не только теневая. По данным официальной статистики, в 2007 г. снижение объема добычи морских биоресурсов в регионе составило около 12%²². Разрушив «серые» схемы, государство не предложило и не профинансировало иных. В результате не осваивается даже выделяемый объем квот, идет постоянная война с рыбинспекторами, которые в разгар лутини ставят на прикол до половины рыболовного флота.

²² Заусаев 2009.

Затем государственная забота настигла лесную отрасль. Предполагалось, что заградительные пошлины стимулируют развитие в регионе деревообработки. Однако, как и многим другим благим замыслам, этому не суждено было сбыться. Точнее, какое-то количество предприятий по производству мебели, древесных материалов и т.д. возникло. Но оно не шло ни в какое сравнение с масштабами экспорта «краски» и его значением для Дальнего Востока. Целые районы — Солнечный, Николаевский, Еврейская автономная область и некоторые другие — живут сегодня в основном на пособия... и зарплате государственных и муниципальных служащих. Тем не менее в тот период — в начале столетия — все эти нововведения вызывали лишь глухой ропот, лишь изредка прорывавшийся наружу. Почему? Очень просто.

В регион потекли нефтедоллары. Не то чтобы здесь обнаружили новое нефтяное море. Увы, нет. Просто поток нефтедолларов, хлынувший в Россию, докатился и до дальневосточной окраины. Конечно, это был не самый большой кусок, но даже он в десятки раз превосходил то, что доставалось Дальнему Востоку в 1990-е годы. По словам губернатора Хабаровского края В.И.Ишаева, в 2007 г. край получил больше «федеральных» денег, чем за все годы Президентской программы развития Дальнего Востока и Забайкалья (то есть за 10 лет)²³. Соответственно, появилась возможность как-то компенсировать потери. Бурное развитие стройиндустрии, транспортной и портовой инфраструктуры и т.д. создавало базу для трудоустройства бывших работников лесхозов и рыбаков.

²³ Ишаев 2008.

Мало того, рабочих рук опять не хватало. Как обычно, «помогла заграница». Место военных строителей заняли иностранные рабочие. Правда, в отличие от бизнеса 1990-х годов, этот бизнес был полностью

подконтролен и всецело зависел от государственных вливаний. Пока эти вливания были, Дальний Восток покорно сносил все «инновации», идущие из центра. Ведь теневые отрасли, крайне трудозатратные и опасные, требовались для выживания. Если выживать можно проще, с потерей «тени» легко мерились. Правда, хозяева предприятий, «шедших под нож», робко ворчали, но не более. Деньги лились, и бывшие графы Монте-Кристо с легкостью перекалфицировались в управдомы.

Но сегодня ситуация опять меняется. Как и в 1990-е годы, деньги перестали доходить до региона. Дальний Восток явственно чувствует признаки перехода в режим консервации. Строительство сворачивается, инвестиционные проекты заморожены. Однако есть специфика. Оторванные от госкормушки люди с удивлением обнаружили, что все местные сферы деятельности, связанные с личной инициативой граждан и допускающие ее, в регионе под запретом. В 1990-е годы существовала «темная зона», которая обеспечивала выживание людей. Сейчас ее просто нет!

Автомобильная отрасль не самая главная в экономике региона. В 1990-е годы лесная, золотопромышленная и рыбная были куда важнее. Именно они выступали основой выживания конкретных людей, формирования местных бюджетов, «спонсорской помощи» социальной сфере. Но она — последняя отрасль, позволяющая инициативному человеку выжить собственным трудом в условиях плотной государственной опеки и заботы при отсутствии государственных дотаций. Шоп-туризм, многократно ограбленный и ограниченный, будет уничтожен новой редакцией закона о туризме. Людей не просто бросили в тайге — к этому здесь уже привыкли. Тайга — она ласковая, прокормит. Но у них не забыли отобрать ружье, удочку, спички, соль, да еще связали для верности. Именно так ощущает себя сегодня житель региона²⁴.

²⁴ Мысли из интервью с представителем малого бизнеса Хабаровска (январь 2009).

Говорили ли об этом раньше? Конечно, и не один раз. На всех совещаниях, форумах, конференциях подчеркивалось, что условия в регионе специфичные, что народ бежит, поскольку производство и социальная инфраструктура развиваются не совсем в соответствии с громадьем планов, что хорошие для центральной части страны законы здесь приводят к массовым разорениям, суицидам и криминализации.

Только вот не слышали этого и не слышат до сих пор. Ведь выступления против запрета на «правый руль» начались не сегодня, и уже лет пять в местной прессе появляются публикации о последствиях такого запрета для региона. Однако кто ее читает, местную прессу, кроме самих дальневосточников? Между тем первые выступления были до предела лояльными. Это были просьбы, разъяснения, слабые попытки пролоббировать свои интересы на федеральном уровне. Федеральный центр, в свою очередь, даже обещал «изучить и разобраться». Но слишком много дел в стране. Не дошли до дальневосточных проблем руки властей предрержащих. Потому-то и выбрали люди более «острую» форму протеста, что все другие были проигнорированы.

Голос дальневосточников услышали, и ответ был дан. Как оно и принято, в простой и доходчивой форме — с помощью Александровского

ОМОНа. Собственно, людям дали понять, что никто из тюркоязычных и с другими дальневосточниками, разговаривать не собирается и дальнейшие попытки организовать диалог бессмысленны. Решение уже принято, и их интересами уже пожертвовали. Одно очевидно: поскольку местные виды хозяйственной активности перекрыты, вариантов устойчивого развития у Дальнего Востока остается не так много.

Первый вариант — замкнуть экономику региона на естественные российские «ворота в глобальный мир», на Москву. Ведь пространство в мире сетей, в мире глобальной экономики определяется временем, необходимым для организации транзакции. Если транспортная инфраструктура и возможности коммуникации будут таковы, что «московские ворота» окажутся ближе шанхайских, противоречие между гомогенностью политического пространства государства и внепространственностью социальных сетей будет на время снято. Дальневосточная «хора» станет интегрироваться в мировое пространство через Москву, как вчера интегрировалась через китайские или японские ворота. Однако подобный вариант требует фундаментальных сдвигов в финансировании, масштабного строительства дорог, увеличения числа авиарейсов, их удешевления и т.д. Все это займет не один год. А пока региону придется как-то выживать. И не исключено, что к моменту, когда коммуникация будет налажена, коммуницировать будет уже не с кем. Да и желания именно так осуществлять интеграцию страны пока не видно.

Другой вариант развития событий — возврат к традиционной стратегии консервации региона. Про Дальний Восток как бы забывают, позволяя ему выживать как может. За федеральным центром остается лишь функция защиты границ, политического сохранения региона в качестве принадлежащего России; и регион получает возможность интегрироваться в глобальное пространство через естественные порталы. Конечно, зная неизбывную нелюбовь власти признавать свои ошибки, трудно надеяться на отмену жестких регулирующих норм или создание для Дальнего Востока особых правовых условий. Судя по всему, если этот вариант и возобладает, то в явочном порядке законодательные нормы не будут отменены, но перестанут применяться. Соответственно, будет восстановлено положение 1990-х годов с «презумпцией виновности» как механизмом регулирования отношений в обществе²⁵.

И, наконец, последний, но, к сожалению, наиболее вероятный вариант. Несмотря на недостаток ресурсов, «приливная» стратегия власти по отношению к региону сохраняется. Возможность интеграции в АТР через ближайшие «ворота» блокируется. Интеграция же через «родные, но дальние» ворота оказывается экономически нецелесообразной в силу транспортных и иных издержек, временного запаздывания. В этой ситуации резкое сокращение (бегство) населения неизбежно, и, чтобы удержать территорию в качестве части России, государству придется либо просто кормить 3—4 млн. оставшихся там жителей, либо в прямом смысле законсервировать весь регион до лучших времен.

²⁵ Бляхер, Огурцова 2006.

Библиография

- Андерссон О., Андерссон Д. (ред.) 2001. *Ворота в глобальную экономику*. — М.
- Бляхер Л.Е. (ред.) 2000. *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (На примере мелких предпринимателей и самозанятых)*. — М.
- Бляхер Л.Е. 2004а. Потребность в национализме, или Национальное самосознание на Дальнем Востоке России // *Полис*. № 3.
- Бляхер Л.Е. 2004б. Политические мифы Дальнего Востока // *Полис*. № 5.
- Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л. 2006. Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности // *Полис*. № 3.
- Бляхер Л.Е. 2008. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // *Полития*. № 3.
- Бродель Ф. 1992. *Время мира*. — М.
- Заусаев В.К. 2009. *Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года*. — Хабаровск.
- Ишаев В.И. 2008. *Стратегические вопросы социального и экономического долгосрочного развития Дальнего Востока и Забайкалья* (<http://cdot.khstu.ru/resursyi/biblioteka/istoriya-ekonomiki-dalnego-vostoka/uchebniki/ishaev-v.i.-2008-doklad-na-kamchatke.html>).
- Канаев С. 2009. *Силовые методы — главная ошибка власти* (<http://www.ptr-vlad.ru/2009/01/10/sergejj-kanaev-silovye-metody-jeto-glavnaja.html>).
- Каспэ С.И. 2008. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // *Полития*. № 1.
- Кузин А.В. 2004. *Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922—1941 гг.* Дисс. на соискание уч. степени д. ист. наук. — Иркутск.
- Лосев А.Ф. 1963. *История античной эстетики (Ранняя классика)*. — М.
- Сергеев В.М., Казанцев А.А. 2007. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // *Полис*. № 2.
- Сергеев В.М. и др. 2007а. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // *Полис*. № 2.
- Сергеев В.М. и др. 2007б. «Хора» московских «ворот» и сценарии ее развития // *Полис*. № 2.
- Унгербергер П.Ф. 1912. *Приамурский край 1906—1910 гг.* — СПб.
- Цымбурский В.Л. 2000. *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. — М.